

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Смоленская городская типография»

Василий ХИЛЬКЕВИЧ

Наедине с природой

*Сборник фенологических
новелл и зарисовок*

Смоленск
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Рус)7
Х45

Хилькевич Василий Михайлович.

Х45 Наедине с природой: сборник фенологических новелл и зарисовок. – Смоленск: Смоленская городская типография, 2014. – 96 с.: ил.

Перед Вами – внутренний мир человека, который очень любил всматриваться в жизнь. Этот взгляд, этот распахнутый прищур виден на фотографии.

Однако новеллы, собранные здесь, посвящены, казалось бы, внешнему – природе. И вот в отклике-то на щедроты матери нашей Земли и прослеживается внутренний мир автора.

Натолкнувшись же на эту связь, мы открываем нечто большее, нежели мир природы и человека: мы открываем наполняющую их Красоту.

Это добрая книга.

Иллюстрации А. Добровольского.

ББК 84(2=Рус)7

ISBN 958-5-94223-863-6

© В. М. Хилькевич, наследники, 2014.

© Иллюстрации: А. В. Добровольский, 2014.

Здесь мало увидеть,
Здесь надо всмотреться...

Здесь мало услышать,
Здесь вслушаться нужно...

Н. Рыленков

Мы кормились у природы.

Природа вам, как щедрая хозяйка,
На всех кустах готовит сытный стол.

В. Шекстир

Хорошо помню трудные 30-е годы. Проведённое с большой жестокостью раскулачивание и поспешная насильственная коллективизация привели к такому упадку сельского хозяйства, что даже крестьянам не хватало самого простого и самого необходимого продукта питания – хлеба.

Колхозы были слабыми, урожаи низкими. Всё зерно, выращенное на колхозной ниве, забирало государство, а колхозникам на заработанные трудодни зерна не давали. В редкие урожайные годы давали немного зерна третьего сорта, но оно годилось только на корм скоту. Так что сами хлеборобы оставались без хлеба.

Выручала картошка, выращенная на приусадебных участках. Из неё пекли драные «булки» и блины, заменявшие хлеб. А то ели просто сваренный очищенный картофель – «целики» или картошку «в мундире».

Но весной у многих и картошки не оставалось – всё зима съедала. Начиналось полуголодное существование, когда перебивались чем могли.

Но мы, пацаны, не умирали с голоду, мы кормились у природы, которая щедрой рукой подбрасывала нам свои дары.

В марте солнце пригревало уже так, что снег сверху подтаивал и оседал, а ночью его прихватывало морозцем, и снежный покров становился крепким, как лёд. Иди по такому насту хоть в поле, хоть в лес – не провалишься.

Вот в это-то время и начинали осыпаться тёмно-коричневые семена липы. Под тонкой кожурой скрывалось белое ядро, плотное, сладковатое и очень сытное.

Мы ногтём соскребали кожицу и поедали вкусные зёрна. А когда очищать семена надоедало, ели их прямо с кожурой.

Наедались сами, потом насыпали липовых семян в карманы и приносили эту подкормку домой младшим братьям и сестрёнкам.

В конце марта – начале апреля начиналась настоящая весна. Быстро таял снег, и весенняя вода бурными потоками сбегала в озёра и реки.

А оттуда навстречу этим потокам щуки устремлялись вверх на нерестилища.

В тёплые солнечные дни они «тёрлись» на речных отмелях, в болотах и больших лужах, и начиналась увлекательная охота на рыбу.

И стар и млад бежали к воде и добывали тут щук. В любовной истоме рыба теряла присущую ей осторожность и большими клубками кружилась на мелких местах и даже у самого берега. Тут-то и убивали щук из ружей, острогами, а то и просто увесистыми берёзовыми палками.

Довольно часто внешняя вода быстро спадала, и в ямах и канавах на лугу оставалось много щук и щурят, и их ловили прямо руками.

Все в это время вдоволь отъедались вкусной наваристой ухи.

В то не столь уж отдалённое благодатное время вода в реках и озёрах была чистой и светлой, и рыбы водилось великое множество. Она буквально кишела в каждом вирке и крупными стаями гуляла на отмелях.

Начиналась весенняя страда в полях и огородах, и взрослым некогда было заниматься рыбой, а мы, мальчишки, очень успешно ловили её на удочку. Совсем просто было наловить полведра окуней, ельцов и пескарей.

А летом, когда вода становилась тёплой, мы ловили рыбу руками под затонувшими корягами и в прибрежных норах, где всегда прятались налимы, окуни и плотицы.

В солнечные дни мелкая рыба стаями выходила погреться на отмели, в заводи и ручьи, и тут даже девчонки ловили ельцов, пескарей и голавликов кусками марли, ситцевыми платочками, снятыми с головы, и даже фартуками.

А теперь, в наше время, горько сознавать, что «цивилизация» сделала своё злое дело: рыбы в отравленных водоёмах становится всё меньше и скоро её там вовсе не будет. Мы сможем увидеть живых рыбёшек только в аквариумах.

Весеннее тепло не только растопляло снега, но и отогревало озябшие за зиму деревья и их корни, начиналось сокодвижение. Наступала пора сбора берёзового сока. Он заменял нам сладкий чай.

Берёз кругом было много, и сок пили не только свежим, но многие, у кого были погреба, заготавливали его впрок, наполняя соком большие деревянные кадки.

И как хорош был холодный берёзовый квасок с приятной кислинкой в жаркую пору сенокоса, как утолял он жажду, бодрил и укреплял мышцы!

Когда подсохнет земля, женщины и дети отправлялись на картофельные поля и собирали там «тошнотики» – небольшие кусочки крахмала, оставшегося от смёрзшего картофеля.

Так как колхозную картошку убирали, в основном, школьники, дети, то в земле оставалось немало клубней, и весной на этих полях было много картофельного крахмала. Из этого крахмала пекли оладьи и блины, варили молочные клёцки.

Зеленели луга, и на них быстро отрастал щавель. Мы охотно поедали его сырым, а дома матери варили из него кисловатую похлёбку.

Поднимались молодая крапива и лебеда, и из них тоже готовили наваристый борщ, заква-
шенный свекольным рассолом или щавлем.

У кого была ещё картошка, ели эти жидкие похлёбки с «целиками» и «драниками», а у кого картошки не было, пекли лепёшки из молодого липового листа вперемежку с отрубями или мя-
киной.

Зелёными серёжками свисали с гибких вет-
вей берёзовые шишки, сладкие, как конфеты, и
очень сытные. Мы поедали их с большим аппе-
титом и много дней кормились у щедрых берёз.

В огороде между тем подрастали морковь и
репа, и мы наваливались на эту вкуснятину, ста-
рательно прореживая посевы на грядках.

Всё выше поднималась трава на лугах, рас-
пускались многочисленные цветы. Красота и
раздолье тут! А сколько всякой еды!

Охотно поедали клеверную «кашку», выщи-
пывая из лохматых головок красного клевера
наполненные сладким нектаром трубочки.

Очень нравились мягкие и сочные побеги
«морковника», как мы прозвали эти растения за
то, что по вкусу и запаху они напоминали слад-
кую морковку. Мы наедались вкусных побегов
вдоволь, потому что «морковник» рос на лугу в
изобилии.

На речных отмелях светло-зелёной стеной
стоял молодой явор. Мы осторожно вытаскивали
узкие и длинные, как лезвие клинка, листья и
поедали их нежную душистую мякоть до самого
основания.

Вкуснейшим лакомством были земляные орехи, которые мы откапывали в обрывистых берегах реки. Очень сладкие и сочные, они вознаграждали нас за труд, потраченный на их добычу.

Летом наступала благодать: тепло и еды всякой кругом полным-полно. В лесу поспевали душистая земляника и сочная черника. Правда, в летнюю страду не только взрослым, но и детям хватало всякой работы, но мы всё-таки ухитрились сбегать на часок на лесные делянки и с огромным наслаждением поедали спелые ягоды.

А как питательны были лесные орехи! Мы срывали в кудрявых кустах поспевающие гроздья, зубами разгрызали скорлупу и наедались вкуснейшими ядрами.

А когда в лесу появлялись грибы, их все отъедались в охоту, собирая целыми корзинами до самой осени. Грибы заменяли нам мясо.

В поле наливалась рожь, и мы рвали тяжёлые колосья, вязали их в небольшие пучки и слегка поджаривали на костре. Хлебный дух вызывал аппетит, и мы с истинным наслаждением ели пахнущие дымом хлебные зёрна.

Настоящим праздником для всех был молодой картофель. Чтобы копать его пораньше, сеяли специальный сорт, который называли «скороспелкой».

Начинали копать «скороспелку» рано, когда клубни были ещё с голубиное яйцо, а то и поменьше.

Такую картошку не чистили, а осторожно скоблили ножом, снимая тонкую кожуру, и варили её целиком.

Ну, а раз пошла картошка – конец голодуде!

Наступившая осень со своим изобилием снимала все заботы о пище. В огороде поспевали бобы, горох, свёкла, морковь, репа, брюква, капуста и всякий другой овощ, – ешь, сколько хочешь!

Наконец, приходила такая счастливая пора, когда на столе появлялся первый хлеб нового урожая.

Его пекли во всех избах, и хлебный дух гулял по деревне. Да такой ароматный дух, что слюнки текли во рту. И как вкусна была душистая краюха нового хлеба!

И хотя теперь мы были сыты, но до самого снега подкармливались у природы.

Поедали сочные капустные кочерыжки, оставшиеся в огороде после срубленных кочанов.

В лесу собирали и ели кисловатые ягоды калины и рябины.

Тогда мы не знали, что поедая все эти дары природы, мы употребляли большое количество витаминов, минеральных солей и других полезных для здоровья веществ.

Мы росли крепкими, выносливыми и редко болели.

ø ø ø ø ø ø ø ø ø ø

ø

ø

ø

ø

ø ø

ø BECHA ø ø

ø ø

ø ø

ø ø ø ø

ø ø ø ø

ø

ø

ø

ø

ø

ø

ø

ø

ø

ø

ø

ø

ø ø ø

ø

ø

ø

ø ø ø

ø

Весенняя песня.

Конец февраля. Кругом снег, трещат крепкие морозы, но всё выше поднимается солнышко, светит всё ярче и греет уже по-весеннему.

Ярким солнечным днём вышел я в сад подышать свежим воздухом. Тихо. Солнце так сияет, что сердце радуется.

Вдруг слышу нежную, пленительную песню. «Что за птичка с таким чудесным голосом появилась в саду?» – недоумеваю я и внимательно всматриваюсь в голые кроны яблонь.

И что же? Скоро я увидел на ветке обыкновенную большую синицу. Подставив зелёную грудку яркому солнцу, обласканная его теплом, она пела. Но не зимнюю свою бесхитростную песенку «пинь-пинь-тар-ра-рах!», а какую-то мелодичную, малиновую. Она так искусно выводила её своим тоненьким голоском, что чарующая песня, тихая и сладкая, проникала в самую душу и приводила в восторг.

«Ай да синичка! Ай да молодец!» – восхищался я и всё слушал и слушал, затаив дыхание.

Да, то была весенняя песня синички. И пусть трещат морозы, дуют холодные ветры и валит снег – скоро весна! Она уже идёт!

Об этом и пела синица.

Март – месяц весенний.

Ещё лежат повсюду сугробы, бушуют порой шальные метели и наведываются по ночам крепкие морозы. Не зря в народе говорят: «Пришёл марток – надевай двое порток!»

Но больше стало солнечных дней, да и само солнышко такое яркое, лучезарное. Оно греет уже по-весеннему. От тепла этого тает снег на крышах, и неутомная капля весь день поёт нам о весне.

А каким высоким, ярко-голубым стало мартовское небо! Оно стало шёлковым?! Как пахнет воздух! Он пахнет весной!

Паруются и хлопочут друг подле друга перезимовавшие галки.

– Ка! – восторженно и нежно восклицает одна. – Весна!

– Ка-ка! – так же проникновенно отвечает ей другая. – Да-да – весна!

– Жив-жив! – прочирикал облитый солнцем воробышек, и вслед за ним весело и звонко защебетали все воробьи, радуясь весеннему солнышку.

Вернулись с юга первые перелётные птицы: грачи, скворцы, жаворонки – и огласили окрестности радостными песнями.

Радуются и люди, чувствуя на лице солнечное тепло.

Да, всем хорошо в марте, потому что март – месяц весенний.

Журчат ручьи по Смоленску.

В тот год весна выдалась тёплая, дружная. Быстро таял снег под лучами жаркого солнца, и вешняя вода, сверкая золотом и серебром, звонкими ручьями неслась вниз, к рекам и озёрам.

Журчат ручьи по Смоленску, скатываются с крутых холмов и быстро мчатся к Днепру. И не могут заглушить это многоголосое ликующее журчание ни шум поездов, ни звонки трамваев, ни гудки автомобилей.

Мудрые сороки.

Мне нравятся эти грациозные, красивые птицы с контрастной окраской оперения: голова, крылья и хвост иссиня-чёрные, а бока – белые-пребелые. Не зря их называют сороки-белобоки.

А нынче я убедился и в их сметливости. Ранней весной две молодые сороки облюбовали берёзу, что росла у дороги против нашего дома, и начали строить в её развилке гнездо.

Но вначале у неопытных птиц ничего не получалось: приносимые в клюве прутья разной величины не держались в широкой развилке и соскальзывали на землю.

Долго бились над гнездом сороки, но дело у них никак не шло. Наконец, они сообразили и стали приносить не голые прутья, а ветки с сучками. И работа сразу пошла на лад. Скоро в развилке берёзы образовалось основание будущего гнезда, так сказать, его фундамент.

Но вдруг птицы бросили начатое гнездо и стали переносить из него ветки повыше, на самую макушку дерева, где тоже была развилка, но побольше. Видимо, сообразили они, что начать вить гнездо слишком низко: до него мог добраться человек, а кот – тем паче.

Новое гнездо росло не по дням, а по часам и скоро было готово.

И вот самка села на яйца. Но молодой самец, передохнув несколько дней, принялся снова за

работу. Он стал опять приносить ветки и что-то строил из них повыше гнезда.

«Что же он такое придумал?» – размышлял я, наблюдая за работой трудолюбивого супруга. Но скоро я понял: заботливый муж строил над гнездом крышу, чтобы подруге не было холодно и не так сильно мочил её дождь.

«Ну и мудрецы!» – одобрительно подумал я. Раньше я никогда не видел птичьих гнёзд с крышами.

А зимой, когда на крыше гнезда белой шапкой лежал плотный снег, я заметил на берёзе стайку сорок. Их собралось здесь не меньше десятка. Наверное, это были близкие родственники молодой сорочьей пары: отец с матерью, братья и сёстры, ну и дети, конечно.

По оживлённому стрекотанию я понял: сороки обсуждают что-то важное и интересное.

«О чём они говорят на своём птичьем языке? О семейных делах? О том, что скоро весна? А может, они перенимают передовой опыт мудрой сорочьей пары по постройке гнезда с крышей?» – думал я, наблюдая за этим необычным шумным сборищем.

Кто их поймёт? Присмотритесь: может, теперь все сороки станут строить гнёзда с крышами.

На родину!

Весна в том году выдалась поздняя. Уже март на исходе, а на полях нетронутой целиной лежит снег. Замешкалась весна где-то на юге: на Кавказе, в Крыму, на Украине.

Там же отсиживались и перелётные птицы, с нетерпением ожидая возвращения в родные края. Сколько уже прошло томительных дней, грустных и тоскливых дней! Давно уже минули обычные сроки возвращения, а тепла всё не было!

Наконец, лопнуло птичье терпение. Так захотелось домой, что больше нельзя было оставаться на чужбине.

— На родину! — каркнул вдруг старый грач, взмахнув могучими крылами, и смело полетел на север.

— На родину! На родину! — радостно загалдели остальные грачи и дружно поднялись за своим отважным вожаком.

Улетели шумные грачи, и без них совсем загрустили скворцы и жаворонки.

Но не долго раздумывали малые птахи. Через два-три дня нестройными стайками и они потянулись за грачами.

Летели птицы домой, обгоняя весну. Под ними холодным блеском сверкали снега, пронизывающий ветер свистел под крылами, обжигая

разгорячённые в полёте худые тела, но ничто не могло уже сдержать этого страстного стремления на родину!

Сурово встретила родная земля своих пернатых путешественников. Крутом, куда ни глянь, всё снега, снега, а по ночам мороз и холодный ветер. Холодно и голодно! Ни пищи, ни тепла!

Но птицы не унывали. Они были счастливы, что вернулись, наконец, домой! А дома, как известно, и углы помогают!

Грачи на ночь забирались в старые гнёзда и там отлеживались до утра. Скворушки тоже укрывались от стужи в своих домиках и дуплах.

Хуже всех было малым жаворонкам. Под снегом знакомые поля, под снегом родные гнёзда, негде отогреться серым птахам. Приютились, бедняжки, у оставшихся стогов, на подсохших кучах навоза, на оброненном кем-то клочке соломы. Неуютно и зябко певцам полей, но и они не падают духом. Разве могут эти невзгоды погасить огромную радость возвращения на родину?!

Чуть пригрело солнышко – весело вспорхнёт озябший жаворонок, высоко поднимется в небесную синь к самому солнышку, и звонким колокольчиком зазвонит над родными полями весенняя песня!

Шли весне.

Взяла весна управление природой в свои руки, и закипела работа!

Снег почти весь сошёл, дорога против нашего дома хорошо подсохла.

Был на редкость тёплый день ранней весны, и мы решили поиграть в лапту.

Но оставшаяся на ногах зимняя обувь тяжеловата, и бегать в ней было трудно.

Самые отчаянные разулись и быстро бегали босиком. Но хотя день был очень тёплым, ярко светило и хорошо пригревало весеннее солнце, земля была ещё холодной, и босые ноги скоро стали красными и замёрзли. Смелчаки поспешили снова обуться.

– Давайте-ка в лес ходим! – предложил кто-то из ребят. – Там, небось, красотища сейчас! Вон какая сегодня погода!

Это предложение всем понравилось, и мы шумной ватагой отправились в лес. Шли напрямки через овраг.

Поднялись на узкую полевую дорогу, и перед нами в сиреновой дымке показался тёмно-зелёный лес. До него было не более километра, и мы прибавили шаг.

Над нами жарко светило солнце, в голубом небе заливались жаворонки, а лес манил в свои объятия.

И вот мы на краю поля, у самого леса. Хотя он был ещё по-зимнему тёмно, но уже посветлел, словно помолодел. Меж тёмно-зелёных ёлок, острыми пиками макушек вонзавшимися в голубое небо, весело белели стройные берёзы, словно девушки в новых платьях водили там хоровод. Даже рогатые осины стали светло-зелёными, красивыми.

На нас пахнуло ароматом разогретой хвои, и мы жадно вдыхали этот острый еловый запах. Красота-то какая!

Но неожиданное препятствие преградило нам путь к этому прекрасному лесу: по дну узкого, похожего на противотанковый ров оврага, отделявшего поле от леса, бежал бурный поток талой воды.

Это нас сильно озадачило. В дырявой нашей обуви нечего было и думать переправиться через ледяную воду.

Озадаченные таким оборотом дела, мы присели на сухую бровку овражика, не зная, что предпринять.

А лес, до которого было рукой подать, так и манил нас к себе. Мы загрустили.

Но самый старший из нас, Павел Клиновский, признанный наш вожак, сказал:

– Надо разуться, засучить штаны и быстро перейти поток, он неглубокий. А ноги на солнце отогреем.

Высокий и худой, он, как журавль, смело шагнул в быструю воду и почти бегом пошёл к лесу.

Мы смело устремились за ним. Ледяная вода обжигала голые ноги и подстёгивала нас. Мы вприпрыжку быстро преодолели неширокий мутный поток и вышли на противоположный склон овражика, покрытый мягкой прошлогодней травой.

Здесь было тепло и сухо, и мы с наслаждением уселись на пологом склоне, подставив замёрзшие мокрые ноги жаркому солнцу. Ноги быстро обсыхали и становились тёплыми.

До нашего слуха доносилось многоголосое пение птиц, которые находились где-то совсем близко.

Мы быстро обулись и стали потихоньку пробираться меж кустов в сторону птичьего пения.

Скоро мы вышли на обширную круглую поляну и замерли от удивления. На противоположном краю поляны стояла большая осина, вся покрытая множеством певчих птиц.

Сразу кидались в глаза толстые красногрудые снегири, хорошо были видны пёстрые щеглы в красных шапочках, жёлтые овсянки, синицы всех видов, крупные тёмные дрозды, красивые малиновки и много других птиц, названия которых мы не знали.

Птицы сидели на прямых длинных сучьях не как попало, а строго по видам: на одном суку сидели снегири, на другом – малиновки, на третьем дрозды и так далее.

Птицы сидели тесными рядами, прижавшись друг к дружке. Обласканные тёплым солн-

цем, они вдохновенно пели свои прекрасные песни. И хотя они пели разными голосами, пение это было удивительно слаженным, будто они всю зиму слетались на спевки.

Певцы были так увлечены своим пением, что не заметили нашего вторжения в их лесное царство.

А мы, очарованные этим пением, тихо присели на пни и купины и с наслаждением слушали этот чудесный концерт. Птицы пели с таким упоением, так задушевно, что сердце радовалось.

Кончилась холодная и голодная зима, пришла долгожданная весна с её теплом, обилием корма и сладкими брачными играми, и птицы славили эту чудесную пору года. Да, это был вдохновенный гимн весне!

Берёзы весной.

Омытые весенними дождями, подсушенные тёплым солнышком, берёзы в соседней роще стали беленькими, чистенькими, словно надели венчальные платья.

Подснежники.

Сошёл снег, и обнажилась жухлая трава и грязная голая земля. Но природа не любит пустоты. Весна сыпанула из своей волшебной коробочки на порыжевшую траву перламутровые звёздочки яркой белизны, и весело засветились на полянках меж кустов первые весенние цветы – подснежники, радуя взор и веселя душу.

Голубая весна.

Как только сойдёт снег, на лугах и оборках остаётся множество луж и лужиц с прозрачной водой.

А вверху яркое солнце и чистое голубое небо. Небо отражается в зеркальной воде, и лужицы тоже становятся голубыми.

По белым стволам берёз бродят голубые тени.

Голубой дымкой затянут горизонт.

Над подсыхающими полями струится и дрожит голубое марево.

Наступила голубая весна! И от этого у людей радостное, голубое настроение!

«Ку-ку!»

Непоседа-кукушка, видимо, – самая осторожная из всех птиц. Она и минуты не задерживается на одном месте.

Прокукует своё «я тут – я тут!», а самой уже здесь и нет – полетела на другое место заявлять о себе.

Зелёная весна.

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Н. Некрасов

Всё выше поднимается солнце в голубом небе, всё жарче его лучи. И под этим благодатным теплом первыми оживают озимые хлеба. Измятые снегом нежные побеги распрямляются, тянутся вверх, к солнцу. С каждым днём всё ярче и красивее их изумрудная зелень!

А вот уже зазеленела молодая травка в низинах и болотах. Ярко-зелёными иглами лезет она среди прошлогодней жухлой пасуши, становится гуще.

Всё уверенней шагает молодая зелень по склонам оврагов, взбирается на холмы и возвышенности, ярким зелёным ковром покрывает всю землю.

Прошла неделя, другая, и весело зазеленели кусты, рощи, перелески, леса, покрылись нежными молодыми листочками, словно набросили на свои иззябшие за зиму ветви зелёные кружева.

И всё кругом стало зелёным, бархатным, чудесным. Бушует на земле зелёная весна-красавица!

Понюхайте, как пахнут молодые берёзовые листья! Они пахнут острым ароматом и свежее-

стью весны! Таким весенним ароматом пахнет вся зелень, и запахи эти волнуют кровь и бодрят мышцы!

Радуюсь своему возвращению на дорогую родину, радуюсь этой весенней красоте, заливаются на все лады прилетевшие с чужбины певчие птицы. Укрывшись в тени зелёной листвы у своих спрятанных в чаще гнёзд, они неумолимо поют свои чудесные песни о весне!

С каждым годом всё меньше становится пичужек, губит их наша цивилизация, но тем дороже их звонкие песни!

И как оживает от этих песен кудрявая зелень рощ и лесов!

Соловьиные состязания.

Позже других перелётных птиц возвращаются в родные края соловьи. Они прилетают к своим гнёздам тогда, когда лес уже оденется молодой листвой, под зелёной сенью которой можно укрыться от хищников.

Отдохнут дня три-четыре после утомительного перелёта, подкормятся и на радость, что вернулись живыми домой, соберутся на своё состязание.

Вот старый соловей призывным свистом общил на весь лес о конкурсе певцов, и слетаются к нему в рощу все соловьи. Чинно рассядутся в густых кустах под кудрявыми берёзами и ждут сигнала.

И вот старый соловей объявляет о начале конкурса, и начинаются увлекательнейшие соловьиные состязания.

Первыми спешат показать свои способности молодые соловьи. Вот торопливо запел молодой соловейчик: уверенно просвистел на все лады, бойко рассыпался звонкой дробью, но потом взял очень высокую ноту, тянул, тянул, но никак не мог с ней справиться, сбился, сконфузился и улетел прочь.

Второй одногодок хорошо справился с по-свистом, долго рассыпал барабанную дробь, уверенно вытянул несколько томных трелей, но где-

то, на новом колене, тоже сбился и улетел во-
свосяси.

Один за другим, стараясь изо всех сил, поют соловьи на этом удивительном конкурсе.

Много талантов выявилось тут, много искусных певцов показали своё мастерство, на радостях излили всю свою певчую душу и только к вечеру разлетелись к своим гнёздам.

Остался в своей роще старый соловей, и на весь лес гремела его победная песня. Легко выводил талантливый певец самые сложные трели, свободно и уверенно переходил от одного колена к другому, и по всему лесу разносилась могучая песня настоящего мастера.

Всё стихло в густом лесу. Не только соловьи, но и другие певчие птицы умолкли и, затаив дыхание, слушали чарующую песню старого соловья.

Весна цветов.

Первой из деревьев и кустарников расцветает черёмуха. Белоснежные гроздья её цветов кидаются в глаза среди яркой молодой зелени, дурманят голову острым ароматом.

И хотя в это время бывают еще сильные похолодания с крепкими морозами, ей нипочем. Ещё ярче, ядрёней становятся от этого белые цветы!

Не успела отцвести душистая черёмуха, – начинается белое кипение садов.

Чистой белизной батистовых лепестков пленяют буйно цветущие вишни. «Как молоком облитые, стоят сады вишнёвые, тихохонько шумят» (Н. Некрасов).

Но ещё красивее цветущие яблоневые сады! Крупные бело-розовые цветы яблони очень живописны, от них отдаёт алой зарёй. Тонкий нежный аромат исходит от этого цвета.

А позже, в конце мая, зацветает сирень, как бы открывая этим наступающее лето.

Синие, фиолетовые, лиловые и совсем чисто белые кудри раскрутились над яркой зеленью и наполнили воздух густым ароматом, с наслаждением вдыхаешь его и не можешь надышаться.

Этот чудный аромат словно пьянит, зовёт куда-то, приятно волнует кровь.

А сколько цветов на лугах! Здесь и красные непричёсанные головки клевера, и ярко-розовая

медуница, и голубые, синие, лиловые колокольчики, и много других цветов.

Яркий многоцветный ковёр покрыл землю и пленяет взор своей красотой, волнует душу тонким ароматом.

Цветы повсюду: в придорожной канаве и на лесных полянках, на обочине дороги и на пустырях.

Как ласково смотрят нам в глаза эти многочисленные цветы, как красивы и душисты они!

Ласточки прилетели!

Ещё май, весенний месяц, но прилетели стремительные ласточки и принесли на своих острых крыльях тёплое лето.

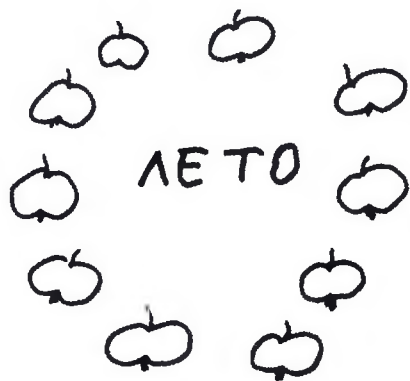
Нет уже ночных холодов и заморозков, и хотя ещё свежи росистые утренние зори, но как тепло уже днём, как «припаривает» на солнце!

Повсюду бойко снуют ожившие мухи и радуются теплу.

Отогрелись комары и густыми стайками весело пляшут в затишье – «мак в ступе толкут».

С весёлым гулом трудятся пчёлы, неутомимо летая за нектаром. Крутом изобилие цветов – носи нектар, не ленись!

Наступило настоящее лето!

Царевна-лебедь.

Я удил рыбу на отдалённых местах на своей речке. Слева и справа у берега сплошной стеной стояли густые заросли лозы.

В прогалине между кустами румяным росистым утром хорошо клевали ельцы и голавлики, и я наловил изрядное количество мелочи.

Но солнце поднималось всё выше, клёв ослабел, и я скучал.

Вдруг из-за кустов слева неслышно выплыла рыбацкая лодка. В ней стояла высокая стройная девушка в роскошном белом платье. Грациозно изгибаясь то влево, то вправо, она гребла большим веслом, и чуточку приподнятый нос лодки бесшумно разрезал голубое зеркало реки.

Это чудесное видение появилось так неожиданно, словно вынырнуло со дна речки, из самого царства Нептуна.

За две-три секунды прелестная незнакомка проплыла мимо и скрылась за кустами справа.

Я долго еще смотрел вслед, очарованный этим чудом, и стоял с широко раскрытыми от удивления глазами и открытым ртом.

Я не успел толком рассмотреть стоявшую в лодке девушку, но заметил очень красивое её смуглое лицо и густые тёмно-каштановые волосы, роскошными локонами рассыпавшиеся по плечам. Мне даже показалось, что на лбу острым лучом ярко вспыхнула голубая звёздочка!

Ах, как пленительно хороша была эта царевна-лебедь!

И так сладко стало у меня на сердце от этой встречи с прекрасным, что я с мягкой улыбкой неторопливо смотал удочку и в каком-то возбужденном состоянии отправился домой.

Сила жизни.

Я шёл по переулку мимо построенных сразу после войны немецкими пленными двухэтажных домов и с удивлением заметил на полуразрушенном балконе одного из них кудрявую берёзку. Это было просто невероятно! Чем она питается там, на голом цементе?

Деревянная опалубка балкона сгнила и давно свалилась. В цементном жёлобе, видимо осталось немного древесной потрухи, да ветер, наверное, заносил сюда дорожную пыль. Ну, а дождь, конечно, поливал временами, и берёзка жила на этой скудной почве. Конечно, она плохо росла, была не более полметра, но правильно оформленная крона с зелёными свежими листьями радовала взор.

Я подивился силе жизни этого удивительного дерева, которое ухитрялось расти почти на голом месте!

И сколько я видел потом таких выносливых и сильных небольших деревьев и кустиков на железных крышах старых домов, даже на голом карнизе небольшой церквушки! Ветер приносил им сюда скудное питание, и они росли наперекор голодухе!

Но особенно поразил меня своей жизненной силой обыкновенный одуванчик.

Как-то в нашем грязном переулке, заросшем по сторонам травой, крапивой и другими сорняками, сделали асфальтовую дорогу. Асфальт был толщиной сантиметров в пять, и новая дорога радовала взор и бодрила ноги.

Но что это? На тёмной поверхности асфальта ярким солнышком светится только что распустившийся жёлтенький одуванчик. От него во все стороны разбежались по асфальту короткие трещины, и я был поражён тем, что этот слабый цветок пробился сквозь толщу крепкого асфальта! Где набрал столько силы этот мягкий, сочный, нежный цветок для такого трудного дела?

Но он их нашёл и вырвался из каменного плена к солнцу, к жизни!

Карелия.

Будет долго Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озёр.

К. Рыжов

В разгар лета, в июле, я мчался с мрачного севера на юг. Поезд «Мурманск-Ленинград», постукивая на стыках, быстро катил по рельсам.

В первый день пути в окне проносились унылая тундра с редкими оазисами небольших рощиц карликовой берёзы. Этот однообразный пейзаж, надоевший мне за годы службы в Заполярье, утомлял, и я отлёживался на верхней полке.

Но на второй день все заговорили о Карелии с её сказочными красотами, и я после завтрака поспешил в тамбур, чтобы через застеклённую дверь лучше рассмотреть эту неведомую для меня сказочную страну.

И вот поезд наш врезался в густой массив хвойного леса с мохнатыми разлапистыми елями.

Но скоро слева засверкали чистой лазурью знаменитые карельские озёра. Большие и малые, округлые и продолговатые, они ласкали взор чистой голубизной.

День был солнечным, ясным, и озёра сверкали, как огромные голубые зеркала. Они были так красивы, что от них нельзя было оторвать восхищённых глаз. За годы службы на голом скалистом побережье Баренцова моря я так соскучился по красотам природы, что теперь просто упивался живописными пейзажами, сменяющимися друг друга.

А вот большое озеро совсем рядом с железной дорогой.

Наш поезд катил по его берегу, и я увидел на его голубом зеркале несколько очень живописных островков. На них росли высокие, до самого неба, вековые сосны с кудрявыми зелёными шапками густой кроны над могучими светло-коричневыми стволами, будто выкованными из красной меди. Казалось, что они поблёскивают, как металлические.

Ах, как красивы были эти могучие сосны на фоне чистейшей водной лазури, как великолепны были они!

Передо мной проносилась сказочно красивая страна лесов и озёр, и я не сводил с неё своих восхищённых очей!

Забыв про обед, я наслаждался этой дивной красотой и совсем не хотел есть.

После скалистого севера со скудной растительностью эта роскошь карельских лесов и озёр очаровала меня, и я простоял в тамбуре весь день, жадно созерцая чудесную красоту пронесившейся мимо Карелии!

Алая ллия.

Как-то совсем случайно я забрёл на небольшое озерцо. Оно поразило меня своей первозданной красотой.

Сразу кидались в глаза весёлые жёлтые кувшинки, рассыпавшиеся над сплошными прибрежными зарослями листьев лопуха.

Чуть поодаль, вырвавшись к чистой воде, живописными островками росли великолепные белые лилии. Их пышные бутоны с яркой жёлтой серединой, окружённой большими лепестками чистейшей белизны, были очаровательны.

А ещё среди этих зарослей виднелись красивые водяные растения с ярко-малиновыми, белыми и пурпурными цветами.

В общем, озеро было очень живописным, и сидеть на его берегу было одно удовольствие.

Карась тут, правда, клевал плохо и был мелким, но я иногда заходил сюда просто отдохнуть в этом красивейшем уголке природы, чудом уцелевшем в наше сложное время отравленных водоёмов.

Однажды я пришёл сюда ранним утром, ещё до восхода солнца. Кувшинки крепко спали, положив на лопух свои закрытые головки.

К моему удивлению, карась клевал хорошо, и я довольно часто вытаскивал приличных рыбёшек.

Но в азарте лова я как-то заметил, что зашевелилась белая лилия, притулившаяся напротив к зарослям кувшинок. Согретая розовой зарёй, она неслышно раскрывалась навстречу приходящему дню.

Но лилия не была белой, она была алой! И такой яркой, словно наливалась соком зари.

Алая лилия всё искрилась на моих глазах и была так необыкновенно великолепна, что я не сводил с неё зачарованных глаз и совсем забыл про карасей.

Полураскрытая, она была налита румяным светом зари и рдела от счастья!

Хозяин леса.

Лось – хозяин леса. Где поселились лоси – не жить там волкам. Не могут одолеть кровожадные хищники лесного великана, который ударом ноги убивает любого волка. Вот и уходят хищники подальше от греха.

Но сам лось никогда ни на кого не нападает. Это безобидное и очень миролюбивое травоядное животное.

Огромный рост лося и вкусное мясо привлекают охотников-браконьеров, и они безжалостно убивают лесных красавцев.

Но страшен лось в гневе. С яростью бросается раненый зверь на незадачливого охотника и насмерть убивает своими могучими рогами или копытами.

Идёт лесной великан, увенчанный ветвистыми рогами, через кусты и рощицы, и далеко видны белые отметины на деревьях, словно лесник тут с топором прошёл.

Любит лось горькую осиновую кору и гложет её с большим аппетитом. А если молодой дубок попадётся – ещё старательней сжуёт он вкусную кору.

Шагает лось напрямки через чащобу, а позади его остаются белые отметины на деревьях – идёт хозяин леса!

Дружные ласточки.

Пара ласточек облюбовала место для гнезда на фронтоне нашего дома под самой крышей. Быстро отстроили гнездо из грязи, и в положенное время там появилось трое птенцов.

Птенцы сидели в гнезде с широко раскрытыми ртами, и казалось, что они состоят только из этих ненасытных ртов, куда их неутомимые родители поминутно бросали приносимую пищу.

Каждый птенец стремился получить пищу первым и всё время придвигался к краю гнезда.

Птенцы так старались, что гнездо не выдержало такого напора, отвалилось и рухнуло на землю. Высота была порядочной, гнездо разбилось на мелкие кусочки, а птенцы были мертвы.

Несчастливые родители с жалобным писком носились над погибшими детьми, и я очень сочувствовал им. Мне было жаль, что в этом году у них не будет потомства.

Но я зря печалился. Поплакав над погибшими птенцами, ласточки принялись за дело. Они приносили грязь и начали лепить новое гнездо на прежнем месте.

К моему удивлению, в этой работе они не были одиноки. Каждую минуту к ним прилетали другие ласточки и сразу включались в работу.

Через час помощниц собралось больше двух десятков. Они, видимо, слетелись не только с

деревни, но и со всей округи. Гнездо росло очень быстро.

Я тоже решил помочь ласточкам. Фронтон выкрашен масляной краской, поэтому сцепление гнезда с тёсом было слабым. Я принёс лестницу и осторожно прибил под гнездом деревянный брусок, на который опиралось теперь гнездо.

Ласточек-строителей было так много и они так усердно работали, что к вечеру гнездо было готово.

И снова появились в нём птенцы. Теперь их было только два. Но они меня не обрадовали. «Когда же они теперь вырастут?» – с тревогой думал я. Приближалась осень, а ласточки рано улетают на юг.

Но мои опасения оказались напрасными. Как только птенцы раскрыли свои ненасытные рты и родители стали бросать туда корм, к ним стали присоединяться другие ласточки и тоже приносили корм. Этим помощниц-кормилиц становилось всё больше, и скоро у гнезда образовалась целая стая.

Я подивился, как чужие ласточки узнали про такую беду и пришли на помощь. Ведь здесь были не только местные, но и дальние ласточки. Их собралось так много, что казалось, что они слетелись со всего света. Они заняли перед домом всё пространство от земли до самого вильчика крыши и стремительно проносились перед гнездом, отдавая корм чужим детям.

Не удивительно, что при таком обильном кормлении птенцы росли не по дням, а по часам. Дня через три они стали оперяться, а через неделю у них отросли крылья, и молодые ласточки уже сидели на краю гнезда.

А дней через десять гнездо опустело – они улетели вместе со старыми ласточками!

Я был в восторге. Это настоящее чудо! Дружные ласточки подняли птенцов на крыло ускоренным кормлением в самое короткое время. Дружба победила беду!

Сотовый мёд.

Был большой праздник Спаса. Погода выдалась прекрасной, и мы с другом Мишкой взобрались на большую черёмуху в их саду и с большим аппетитом уплетали вкусные, с терпкой кислинкой, чёрные ягоды.

А внизу, неподалёку от нас, с большой дымящей головешкой колдовал над ульями-колодами бородатый Мишкин отец. Отгоняя дымом пчёл, он доставал мёд.

Когда мы наелись понравившихся нам ягод до того, что наши языки покрылись каким-то панцирем, стали как деревянные и плохо поворачивались во рту, мы слезли с черёмухи и отправились гулять на улицу.

Когда мы проходили через просторные светлые сени, нас остановил отец Михаила.

– Попробуйте-ка, мальцы, медку! – предложил он, и мы остановились.

Большим тонким ножом он отрезал нам по куску тёмно-коричневых сотов, заполненных жидким мёдом. На срезе мёд капал с куска, и мы быстро стали облизывать ароматные соты.

Я никогда до этого не ел свежего сотового мёда, и теперь он показался мне таким сладким, таким вкусным, что этого необыкновенного вкуса нельзя было сравнить ни с чем. И такой душистый, что, кажется, в нём гармонично смешались все запахи луговых цветов, садов и леса.

Когда я стал взрослым, то тоже завёл пчёл. Я часто ел сотовый мёд, но он не был таким душистым и вкусным, каким показался мне тот первый мёд из старой колоды!

Аисты!

Всё меньше становится на нашей Смоленщине этих больших красивых птиц.

Белые, с короткими чёрными хвостами и большими красными клювами, они важно расхаживают на своих высоких, как ходули, ногах и зорко выискивают лягушек в заболоченных низинах.

Но много болот осушили мелиораторы, и корма стало меньше. Да и деревень сильно поубавилось. Кто в город укатил, а кто на центральную усадьбу переехал. А аисты любят жить вместе с людьми.

Но водятся ещё кое-где эти редкие птицы. Вот и в деревеньке, где дали нам дачный участок, аисты облюбовали плоскую крышу водонапорной башни и построили там большое гнездо. Нынче у них на редкость большой приплод – трое птенцов.

В августе молодые аисты стали пробовать свои силы и иногда улетали на раскинувшееся внизу торфяное болото и там кормились.

А в этот тихий августовский вечер семья аистов не опустилась на землю, а плавными кругами летала над болотом, которое длинной и широкой долиной раскинулось между холмами.

На холмах были когда-то деревни, а теперь там раздолье для дачников. А из местных жите-

лей осталось в деревнях по три-четыре старожилы доживать свой век. А вместе со стариками живут в деревеньках аисты.

Когда первая семья начала свои тренировки над болотом, готовя молодых своих детей к далёкому и опасному перелёту на юг, к ним стали присоединяться другие семьи, и скоро над долиной плавно кружилось десятка три аистов. Они неторопливо парили низко над землёй, потом ускоряли свой полёт и буквально проносились мимо меня.

Ах, как красивы, как грациозны были парившие над болотом аисты! И было удивительным, с какой лёгкостью летают эти тяжёлые, такие большие птицы!

Молодецкая еда.

Летом я подружился с шестилетним Юркой. Он жил на горе, в больничном городке. Отца у него не было, а мать работала врачом районной больницы. Врачей было мало, а больных – много, и мать целыми днями пропадала на работе, а сын был предоставлен самому себе.

Когда сытый, а чаще голодный, он спускался со своей горы и присоединялся к нашей шумной ватаге. У нас-то было весело!

Мы как-то быстро сошлись с Юркой, и он часто бывал у нас дома. Добрая моя мать подкармливала его чем-нибудь, а иногда садила за стол обедать вместе со мной.

Юрка не стеснялся, чувствовал себя у нас как дома и охотно поедал всё, что ему давали.

Однажды мы пришли к нам в такое время, когда мать вынимала из печи большие караваи из муки нового урожая. Она неторопливо, как-то торжественно ловко поддевала круглой деревянной лопатой высокую румяную буханку, вытаскивала из печи, чистым льняным полотенцем брала её в руки и несла на вымытый стол.

Здесь она обмакивала льняную тряпицу в стоявшую миску с водой и медленно протирала верхнюю коричневую корку каравая, и от неё шёл лёгкий парок. Сосредоточенное лицо матери всё светилось довольством, словно она выполняла какое-то святое дело.

Большие круглые буханки одна за другой ложились на стол, и в доме разносился вкусный хлебный запах.

Мы с Юркой с большим интересом наблюдали за матерью, придвинувшись к самому столу.

Закончив работу, мать вымыла руки, взяла одну буханку и большим кухонным ножом с весёлым хрустом разрежала её пополам. По кухне пошёл такой хлебный дух, что у нас слюнки побежали.

Заложив руки за спину, Юрка вплотную придвинулся к столу и сосредоточенно смотрел на пышные караваи.

– Хочешь хлебца? – спросила его мать.

Дружок мой ничего не ответил, но утвердительно кивнул головой, проглотив набежавшую в рот слюну.

Мать взяла половину буханки, отрезала от неё большую лусту и подала Юрке, а вторую – мне.

Я сразу стал уплетать свежий вкусный хлеб, а Юрка попросил у матери соли. Мама поставила перед ним солонку, и мальчик неторопливо стал сыпать соль на свой ломоть. Затем он подошёл к ведру, зачерпнул воды и только потом стал есть. Он откусывал мягкий хлеб, с большим аппетитом жевал его и запивал из кружки, приговаривая:

– Хлеб, соль да вода – молодецкая еда!

Мать засмеялась и сказала:

– Правильно, Юра! Хлеб – главная наша пища!

А я подивился, где этот шкет, мой интересный дружок, мог подслушать такие мудрые слова. И я сразу запомнил их на всю жизнь, потому что очень правильная эта народная присказка!

А мы с Юркой, когда надо было перекусить наскоро, прибегали теперь к «молодецкой еде», быстро и хорошо подкреплялись.

Где боровик растёт?

Белый гриб в народе называют боровиком. И это не случайно. Сосновый бор (боровик) и еловый лес – излюбленные места для белых грибов.

Помню, отправился я с приехавшей к нам в отпуск тётей в ближайший лес за грибами.

Еловый лес этот был редким и светлым. Среди молодых разлапистых елей росли берёзки и осины, кусты орешника, калина и рябина.

Грибов в этом лесу всегда полным-полно. В изобилии росли тут рыжики и лисички, сыроежки и опёнки, много было и таких ценных грибов, как подосиновики и боровики.

Как только вошли мы в лес, стали попадаться сыроежки, рыжики, подосиновики. Но боровиков было что-то мало, росли они по одному-два у самых ёлок.

Я как-то случайно поднял нижнюю ветку ели и в тени шалашика из лапника увидел целую

семейку белых грибов. Их было семь штук и все разной величины.

«Эге, – подумал я, – вот вы куда спрятались!»

Теперь я стал осматривать каждую ёлку и всегда находил под ней ядрёные боровички с небольшими тёмно-коричневыми шляпками на толстенькой белой ноге.

Скоро мы насобирали целую корзинку молодых боровичков и, довольные такой удачей, вернулись домой.

Перелески.

Нравятся мне разбросанные по полям кудрявые перелески. Ранней весной, когда незасеянные ещё поля тёмны и серы, радуют взор перелески яркой молодой зеленью.

Красивы они и в летнюю пору, зелёными островами возвышаясь над полями. И как манят они в жару в свои прохладные сени отдохнуть от летнего зноя!

Но особенно живописны перелески в пору золотой осени! Стройные берёзки надевают парчовые сарафанчики, а осинки вспыхивают багровым огнём.

А как красиво сверкает на опушке рубиновая гроздь созревшей калины! Как хороша загоревшаяся тихим пламенем красная рябина!

Кленовый букет.

В самом углу пришкольного участка, поодаль от других деревьев, на приволье, рос кудрявый клён с разлапистыми листьями. Каждый раз, когда я шёл в школу, всегда любовался его красивой зелёной кроной.

Пришла осень, ударили первые морозы-утренники, и я заметил, что клён с северной стороны нежно пожелтел, словно кто-то ночью позолотил его. Листья с юга оставались зелёными, и клён от этого ещё больше похорошел, стал золотисто-зелёным.

А через день я увидел багровую ветку, будто кто-то воткнул в кудрявую крону горсть ярких цветов.

Ещё через день другая ветка пылала ярким золотым огнём.

Потом волшебник воткнул в кленовую крону целую охапку красивейших роз.

А через неделю клён горел всеми цветами: жёлтыми, алыми, оранжевыми, красными, розовыми, золотыми.

И так красив, так прекрасен был этот кленовый букет, ярко пламеневший в лучах осеннего солнца!

Бабье лето.

Быстро пролетает лето в крестьянских трудах и заботах, и вот уже осень стоит на дворе. Подули холодные ветры, часто навеваются липкие дожди. Улетели птицы на юг, и тихая грусть опустилась на землю.

Но в конце сентября, а иногда в начале октября по какому-то волшебству возвращается вдруг к людям на недельку-другую настоящее лето.

Это бабье лето.

Наступает такая благодать, что душа радуется!

Золотом горят деревья кругом. Воздух чист и прозрачен, и тонкие хрустальные паутинки медленно плывут над землёй.

А в небе светлая лазурь и весь день сияет полетному жаркое солнце. Такая теплынь стоит над землёй, что в иные дни до тридцати градусов доходит. Бабье лето!

И спешат бабы в это благодатное время управиться со всеми полевыми работами.

Наслаждаясь теплом и прекрасной погодой, женщины поднимают лён со стлиц, вяжут его в снопы и ставят на просушку в «бабки».

Быстро сохнет ленок в такую погоду, и готовую тресту прямо со стлиц отправляют на льнозавод.

Лёгкие летние платья и кофточка не сковывают движений, и спорится работа в проворных женских руках!

Бабье лето! Докапывают картошку, где она ещё не убрана, срубуют тугие кочаны вызревшей капусты.

Находят и мужики себе работу в эту удивительную пору осени. Они пополняют запасы кормов, выкашивая по низинам густую траву – отаву. В такую отличную погоду покосы быстро сохнут, и мягкое сено складывают в кошны, а потом увозят домой.

А после работы приятно и отдохнуть тёплым тихим вечером и вдосталь насладиться чудесным бабьим летом!

Последние тренировки.

Был на редкость тёплый солнечный день, один из тех чудесных дней поздней осени, которые иногда дарит нам щедрая природа, отбирая у нас красное лето.

Какая-то торжественная тишина царствовала вокруг, грудь легко вдыхала чистый воздух, бодрость вливалась во все члены.

Но тишину эту нарушили какие-то странные, вибрирующие звуки. Они неслись сверху, оттуда, где так ярко светило солнце.

Я поднял голову в сторону непонятных звуков и увидел в голубом небе большую стаю грачей, кружившихся над сжатым полем.

Стая летела и вместе с тем оставалась на месте. Чёрные птицы медленно парили на распластанных крыльях в ясной синеве неба, описывая широкие круги. Казалось, они что-то высматривают на опустевшей земле.

Некоторые из птиц вдруг камнем кидались вниз, штопором врезаясь в тугой воздух и издавая глухие гортанные крики. А в сложенных крыльях воздух издавал эти странные, вибрирующие звуки.

Сердце моё замирает: кажется, что глупая птица врежется сейчас в землю и разобьётся вдребезги.

Но нет! Не долетая до земли метров пятьдесят, грач круто взмывал вверх и со спокойным достоинством возвращался в стаю.

Я понял: это были последние тренировки птиц перед дальним перелётом на юг. Отъелись за лето грачи на щедрых родимых полях и теперь проверяют свои силы перед отлётом в чужеземные страны. Ведь надо всё преодолеть в далёком пути: и бури, и ураганы, и смерчи!

– Счастливого пути, белоклювые! – пожелал я птицам и верил, что они благополучно одолеют далёкий и опасный путь и весной снова вернуться в родные края.

В лесу листопад.

Наступила поздняя осень. Холодный северный ветер безжалостно срывает с деревьев их роскошные одежды.

Гордо расстаются со своими парчовыми платьями стройные берёзы и ярко белеют обнажёнными телами, не стыдясь своей наготы.

А вот ёлки не отдают своих вечно зелёных нарядов злому осеннему ветру.

Растопырив колючие пальчики, молодая ёлочка ловит зелёными ладошками золотые монеты, которые щедро сыплются с соседних берёз.

Дрожит от страха всем своим телом и каждым багровым листочком тонкая осинка, с ужасом расставаясь со своей жидкой одежкой.

Солидно теряет свой летний убор ольха, роняя на землю совсем зелёные листья.

Долго держится на холодном ветру могучий дуб и последним сбрасывает свои жёсткие ржавые листья.

А внизу, на земле, мягкой периной лежат осыпавшиеся с деревьев листья и грустно шуршат под ногами.

Прощальная песня.

Давно покинули скворцы свои уютные домики и дупла и, сбившись в стаи, всё лето жировали на хлебных полях и лугах, набирая побольше сил для дальнего перелёта на юг.

Но вот пасмурным осенним днём вернулся скворушка к своему покинутому домику и запел.

Неторопливый продолжительный посвист нахохлившейся птицы хватал за душу тоскливыми нотами.

Тихий мелкий дождь нудно кропил оголённые деревья и опустевшую землю, и грустная песня скворца звучала от этого ещё печальней.

Казалось, что скворушка не пел, а плакал, как плакало небо в этот пасмурный день.

О чём, рыдая, пел скворец перед отлётом на юг? Может, о том, что так не хочется покидать родные места? Что трудна и опасна дорога в тёплые страны, и можно погибнуть в пути?

Видно, чувствовало птичье сердце грозящую опасность, и потому так тоскливо лилась его прощальная песня.

Раскрытые тайники.

Отшуршали золотые метели листопада, и деревья стали голыми. Посветлело в лесу, а перелески просматриваются насквозь.

И раскрылись лесные тайники, что спрятаны были летом в густой зелени. Идёшь по шуршащей листьями дорожке и видишь в зарослях лозняка серые шарики травяных и войлочных гнёзд, в которых жили улетевшие на юг соловьи и другие певчие птицы.

А на высоких осинах и берёзах солидно темнеют вороньи и сорочьи гнёзда.

Под оголившимся кустом открылся вход в лисью нору. Не покинула её лисица, а только подальше зарылась в землю, чтобы никто не вытащил её из длинной норы.

На покрытых жухлыми листьями полянах бравыми солдатами стоят последние грибы – подосиновики и подберёзовики.

Всё видно теперь в лесу, настезь раскрыты его тайники.

Осенние цветы.

Осень наступила,
Высохли цветы,
И глядят уныло
Голые кусты.

А. Баранов

Да, всё кругом почернело и стало мрачным. Но среди всеобщего увядания на нашей клумбе расцвёл большой куст красивых светло-фиолетовых цветов с яро-жёлтой, как солнышко, серединой.

Своими милыми глазками они весело смотрели в пасмурное небо и, казалось, улыбались от удовольствия. Видимо, им было приятно жить, когда всё кругом умирало.

И как хороши, как красивы были эти чудесные создания в такую позднюю пору! Они ласкали взор, радовали душу, украшали окружавший мир!

На ночь эти удивительные цветы закрывались, пряча от холодного дождя, густых туманов и начавшихся заморозков свою красоту.

Днём они опять раскрывались навстречу свету и редкому солнцу. И особенно яркими и красивыми были они в солнечные дни, которых, увы, становилось всё меньше.

Выпал первый снег, и я с тревогой подумал: «Пропали цветы!» Ан нет! Снег растаял, и чудо-

цветы снова весело распустились наперекор стихии.

И долго радовали нас эти поздние осенние цветы среди умирающей природы!

Старость года.

Наступили ясные солнечные дни поздней осени. Крепкие морозы-утренники подсушили землю, покрыли первым инеем траву и деревья.

Ярко белеют на солнце кудрявые от густого снежного пуха берёзки, похорошели, помолодели в этом холодном уборе.

Посмотришь вокруг – будто вишнёвые сады расцвели на месте берёзовых рощиц!

Но не буйный весенний расцвет видишь ты, а пышную седину состарившегося года.

Бодр и крепок ещё старик, лихо распушил белые усы и молодо смотрит в небесную даль, пригретый прощальным теплом осеннего солнца, но песенка его уже спета.

Зимняя сказка.

Морозным зимним утром я вышел в сад и замер в восхищении. Вчера деревья стояли голые, мрачные, с почерневшими сучьями, а сегодня в саду белым-бело. Выпавший ночью обильный снег укрыл яблони ватой чистойшей белизны.

Под утро на землю опустился густой туман и украсил заснеженные ветки лебяжьим пухом.

А когда где-то за домами стало всходить солнце, туман рассеялся. Разгоревшаяся на востоке алая заря упала на сад, и он нежно порозовел. Теперь казалось, что не зима в саду, а пришла весна и яблони буйно зацвели белорозовым цветом.

Скоро могучее светило огненным шаром выкатилось из-за крыш и снежный пух на деревьях засверкал яркими лучистыми искрами.

Я стоял, не шевелясь, очарованный этим сказочным великолепием. Было тихо, и казалось, что деревья сладко спят в своих тёплых шубах, расшитых серебром и жемчугом.

Красота-то какая кругом! Как она радует и ласкает взор!

Очень вкусно!

У нас в семье все любят птиц и постоянно заботятся о них. В кормушке, что висит в саду, всегда есть разнообразный корм.

Чаще всех прилетают сюда воробьи. Они чувствуют себя настоящими хозяевами, едят неторопливо, солидно.

Внезапно появляются непоседы-синицы, торопливо хватают зёрна и быстро улетают. Осторожные! Боятся попасть кошке в лапы.

Даже пёстрый дятел невесть откуда несколько раз наведывался в бесплатную городскую столовую.

Однажды дочь снесла в кормушку специально для синиц мелко нарезанные крошки несолёного сала, а кусочек побольше привязала рядом к сучку.

И что вы думаете? Словно пахом учуяли лазоревки такое лакомство и целой стайкой прилетели к кормушке. С жадностью набросились на сало, хватали крошки и с добычей отлетали на соседние яблони.

Когда крошки кончились, птички стали клевать подвешенное сало. Оторвёт синица кусочек – и айда на дерево в безопасное место.

Но одна самая смелая повисла на сале, вцепившись в него острыми коготками. Она так увлеклась едой, что забыла об осторожности и не

покидала щедрый стол, торопливо уписывая сало за обе щёки.

Я решил проверить смелость птахи и вышел из дому, стукнув дверью. Синичка вздрогнула, но не улетела, а ещё быстрее стала щипать корм. Постояв немного, я сделал несколько шагов к кормушке. Но лакомка, сверкнув на меня блестящей бусинкой чёрного глаза, продолжала свою трапезу.

– Не мешай! Очень вкусно! – словно говорила она.

Я понял это, подмигнул смелой птичке и пошёл прочь. Набирайся сил, синичка! Скоро весна!

Антоновские яблоки.

В конце зимы в нашем посёлке проводились самые большие ярмарки: «Сборница» и «Красный торг». На просторной базарной площади собиралось столько народу, что яблоку негде упасть. И чего тут только не было! Свиньи и овцы, коровы и лошади, горшки и горлачи, серпы и топоры, бублики и баранки, конфеты и пряники – всего не перечесть!

И вот на «Красный торг» на дороге против нашего дома появились три подводы. От крепких лошадей шёл пар: видно, издалека они ехали и притомились за долгий путь. Возчики, чтобы облегчить лошадей, шли пешком рядом с санями, расстегнув тёплые овчинные тулупы. Под плетёными соломенными матами лежал какой-то груз.

Когда подводы поравнялись с нами, пахнуло ароматом спелых яблок. Мы, пацаны, побросали свои санки, ледянки, лыжи, на которых катались с горки, и устремились за возами. Кругом снег, крепкий мороз, а тут – яблоки! Аромат спелых яблок так и растекался от саней, и мы жадно вдыхали его.

Ярмарка была в разгаре. На базарной площади стояли плотно друг к другу сани, лошади, люди, и приехавшим пришлось остановиться на краю базара.

Усталые возчики неторопливо распрягли лошадей, привязали к головкам саней, набросили на их мокрые от пота спины тулупы и положили по охапке душистого сена.

Меж тем сильный запах, исходивший от возов, стал привлекать людей, и скоро подводы окружила большая толпа.

Когда же мужики сняли с саней соломенные маты, все так и ахнули: в санях горками лежали крупные жёлтые антоновки, похожие на золотые слитки. Густой медовый дух так и пахнул на всех от раскрытых возов.

Как заморожённые, не сводили восхищённых глаз с этого дива собравшиеся люди.

– Вот это яблочки!

– Да, наливные!

– Словно золотые! – раздавались восторженные восклицания. Все одобрительно заговорили, зашумели. Крепкий мороз пощипывал щёки, а от спелых антоновок, казалось, исходило тепло. Они, видимо, излучали солнечный жар, накопленный за лето.

Однако покупателей на эти чудесные плоды нашлось немного. Хотя яблоко стоило копейки, не у каждого были в кармане лишние деньги. Покупали наливные антоновки только те, кто сам продал что-то на ярмарке: сапожники, кузнецы, гончары и другие ремесленники. Да и то брали понемногу: кто два, кто три яблока, редко кто – пять-семь.

Я стоял недалеко от саней и молча любовался золотыми яблоками: у меня-то денег не было ни копейки. И вдруг я увидел протиснувшегося к саням дядю Сашу. Он работал кузнецом, и у него водились денежки.

Выбрав два самых крупных яблока, он протянул одно мне. Я не поверил своим глазам, так оторопел от неожиданной удачи, так растерялся, что стоял настоящим истуканом. Дядя толкнул меня в плечо и сказал:

– На, покупай!

Радость вспыхнула в моих глазах, я обеими руками обхватил крупное яблоко и жадно впился в золотистый бок. Душистый сок с приятной кислинкой наполнил рот. Я с наслаждением жевал сочную мякоть.

И тут я заметил белую дыру на жёлтом боку яблока, и мне стало жаль нарушенного золотого слитка. Я выбрался из толпы и побежал домой, словно боясь, что у меня отберут эту драгоценность.

Но прибежав домой, я понял, что одному съесть такое вкусное яблоко не придётся. Меня окружили младшие сестрёнки и братишки и, глядя горящими глазёнками на чудо-яблоко, протянули ко мне грязные ручонки и дружно просили:

– Дай откусить разок!

Я взял нож, разрезал сочное яблоко на шесть равных частей и отдал каждому его долю.

Дети обрадовались и так аппетитно жевали, что моя досада сменилась удовлетворением: хорошо я сделал, все покушали вкусной антоновки!

Молодой снег.

В тот год зима долго не начиналась. Всем надоела голая земля. Люди с нетерпением ждали снега.

И вот в середине декабря запорхал небольшой снежок. Потом, словно набирая силу, посыпался на землю всё гуще и гуще.

К вечеру всё побелело, и весело было смотреть на эту яркую белизну, от которой кругом стало светлее. Как заботливые женские руки проворно накрывают чистой скатертью праздничный стол, так прикрыл снег тёмную землю.

Первый снежок был мягким и вроде бы тёплым. В народе говорят: если умыться молодым снегом, то лицо станет белым и чистым. Попробуйте!

Морозная ночь.

Мороз был такой, что звёзды в небе, казалось, тоже замёрзли. Они не лучились, не сверкали, а матово поблескивали, как ледяшки.

Птичий хоровод.

Зима выдалась на редкость тёплой. И в январе, и в феврале часто навевались сильные оттепели, а вместо рождественских и крещенских морозов по улицам журчали весенние ручьи.

Радуюсь столь раннему теплу, зимующие птицы сбились в огромную стаю и поднялись высоко в небо. Они плавными кругами медленно парили над городом, словно рассматривали его с высоты птичьего полёта.

Но вот небольшая стайка стремительно вырвалась из середины в сторону и быстро облетела всю стаю. За ней – другая, третья...

Долго так играли птицы в ясном небе, а я молча любовался этим необыкновенным хороводом.

Голуби.

Очень нравятся мне голуби, красивые, кроткие, ласково воркующие птицы. Ах, как хотелось иметь их у себя! Пустующий чердак дома был бы хорошей голубятней.

Но где и как добыть голубей? Этот, казалось, неразрешимый замысел долго беспокоил меня. Но мой хороший друг Павел помог осуществить задуманное.

Однажды он показал мне свою голубятню, очень тесную, до отказа заполненную птицами разнообразной расцветки.

– Где ты взял столько голубей? – удивился я, с завистью рассматривая его богатство.

– Наловил в силки у льносклада, – ответил он.

По моей просьбе Павел помог сделать силки из конского волоса и отправился со мной к складу. Здесь на крыше длинного амбара, где хранились семена льна, собиралась большая стая голубей. Они кормились здесь рассыпанным на земле зерном.

Павел показал, как ставить силки, как их маскировать. Мне сразу повезло: в этот первый день я словил трёх голубей. Ликуя от такой удачи, я отправился домой и выпустил голубей на чердак.

В три-четыре дня я словил ещё семь голубей и решил, что больше мне не надо.

Я занялся оборудованием голубятни. Сбил из дощечек небольшие корытца для гнёзд и наложил туда мягкого сена. Соорудил кормушку и поилку.

Отец в тот год получил в колхозе много ячменя, так что корма для птиц хватало.

Каждый день, придя из школы и наскоро пообедав, я спешил к своим пленникам, прихватив миску ячменя и большую кружку воды.

Первые дни голуби дичились меня, но постепенно привыкли, смело садились на плечи, брали из рук крошки хлеба и разрешали даже их гладить. В благодарность за обильное кормление они дружно ворковали.

Это радовало меня, и я часами просиживал на чердаке у очаровавших меня птиц. Среди них было семь сизых толстяков, два белых голубя и одна беленькая с синими пятнышками очень изящная голубка. Эта серенькая красавица мне особенно нравилась.

За зиму птицы так сдружились со мной, что я был совершенно счастлив и подолгу любовался их красотой.

А когда серая самочка села на яйца выводить птенцов, я решил, что голуби прижились.

И как только пришла весна, я смело открыл чердачное окно и выпустил птиц на волю. Голуби торопливо выпорхнули из окошка, сделали несколько кругов над домом и улетели.

Тщетно я ждал их возвращения. Прошёл день, другой, третий, но голуби не возвращались. Больше того, серая самочка, у которой уже вывелись птенцы, тоже улетела и не возвращалась к своим детям, бросив их на погибель. Напрасно я часто подымался на чердак в надежде увидеть её. Чердак был пуст.

Ах, как я жалел, как переживал, что лишился пленивших меня красивых птиц! Было досадно и обидно, что они оказались такими неблагодарными.

Но постепенно досада моя проходила. Раздумывая над случившемся, я восхищался верностью этих удивительных птиц своему дому, родному гнезду.

Парашютный десант.

Ярко светит луна, и в этом волшебном сиянии летят вниз крупные снежинки, словно крохотные парашютики опускаются на землю. Кажется, что с Луны высаживается парашютный десант лунатиков.

Грачи-патриоты.

Зима. Трещит морозами январь, а в Смоленске много грачей. Они не улетели на тёплый юг. Почему?

Мне кажется, что это не отставшие от стаи по причине болезни или слабости крыльев грачи-одиночки. Целые стайки по семь-десять и более птиц можно видеть в разных частях города.

Это грачи-патриоты, которые, преодолев извечный инстинкт, решили остаться на родине.

Нелегко этим патриотам переносить суровую зиму. Негде взять сочных червяков и личинок: поля покрыты плотным слоем снега и скованы морозом.

Вот почему собрались они в городе, где вместе с галками и воронами перебиваются у мусорных ящиков и помойных ям.

Я видел, как степенный грач, раздобыв косточку, уселся на сук, зажал свою добычу меж когтей и большим клювом старательно сдирал с неё остатки мяса.

Грачи миролюбивы и никогда не обижали галок, которые поменьше и вроде бы послабее. Наоборот, частенько проворная галка подхватывала из-под самого носа зазевавшегося грача его добычу.

Кто знает? Может, через сотни-тысячи лет грачи не будут улетать в далёкие чужеземные страны, а будут зимовать дома.

Февраль нынче на редкость тёплый, и я часто слышу, как пролетающие надо мной грачи радостно каркают, как бы уверяя всех, что зима уже позади. Да, весна не за горами, и отважные птицы будут скоро отъедаться на родимых полях.

Февральская капель.

Трещат морозы, белым пухом лежат кругом снежные сугробы. Но к полудню под яркими лучами солнца оттаивают замёрзшие окна, свисают с крыш сверкающие на солнце сосульки.

С них тихо падают в снежную перину прозрачные, как жемчуг, весенние капли.

Совсем не слышно этой ранней капели, только голубоватые скважины в мягком снегу да замерзающие к вечеру сосульки говорят об этом.

ГОДЕРЖАНИЕ

содержание / содержание

Мы кормились у природы .. 6

● ВЕСНА.

- Весенняя песня .. 14
- Март – месяц весенний .. 16
- Журчат ручьи по Смоленску .. 17
- Мудрые сороки .. 18
- На родину! .. 20
- Гимн весне .. 23
- Берёзы весной .. 27
- Подснежники .. 28
- Голубая весна .. 29
- «Ку-ку!» .. 30
- Зелёная весна .. 31
- Соловьиные состязания .. 33
- Весна цветов .. 36
- Ласточки прилетели! .. 38

●● ЛЕТО.

- Царевна-лебедь .. 40
- Сила жизни .. 42
- Карелия .. 44
- Алая лилия .. 46
- Хозяин леса .. 48
- Дружные ласточки .. 49
- Сотовый мёд .. 52
- Аисты! .. 54
- Молодецкая еда .. 56

●●○ ОСЕНЬ.

- Где боровик растёт? .. 60
Перелески .. 62
Кленовый букет .. 63
Бабье лето .. 64
Последние тренировки .. 66
В лесу листопад .. 68
Прощальная песня .. 69
Раскрытые тайники .. 71
Осенние цветы .. 72
Старость года .. 74

○○○○ ЗИМА.

- Зимняя сказка .. 76
Очень вкусно! .. 77
Антоновские яблоки .. 80
Молодой снег .. 84
Морозная ночь .. 85
Птичий хоровод .. 86
Голуби .. 87
Парашютный десант .. 90
Грачи-патриоты .. 91
Февральская капель .. 93

ХИЛЬКЕВИЧ
Василий Михайлович

Наедине с природой

*Сборник фенологических
новелл и зарисовок*

Издательство «Смоленская городская типография».
Смоленск, 2014.

Бумага ColorCopy. Печать лазерная.
Шрифты Georgia, Adventure.
Тираж 30 экз., из них 4 –менные.